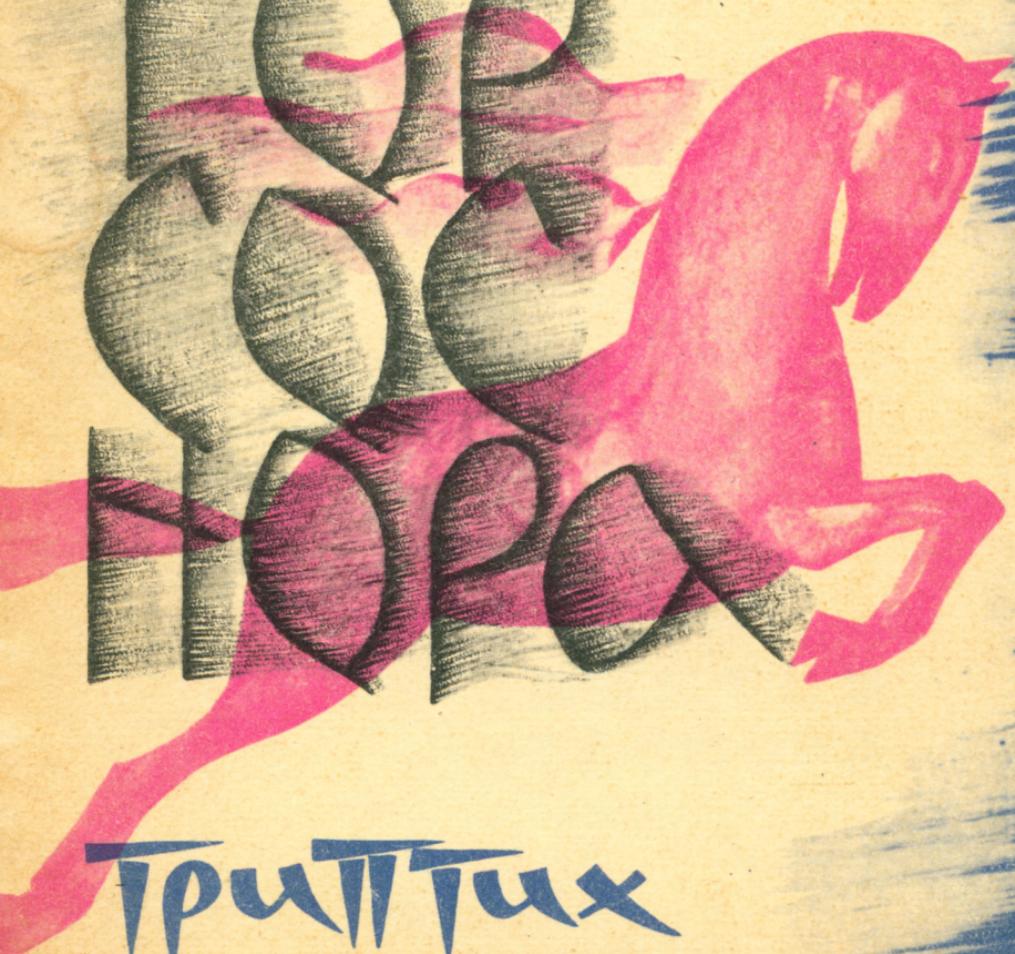

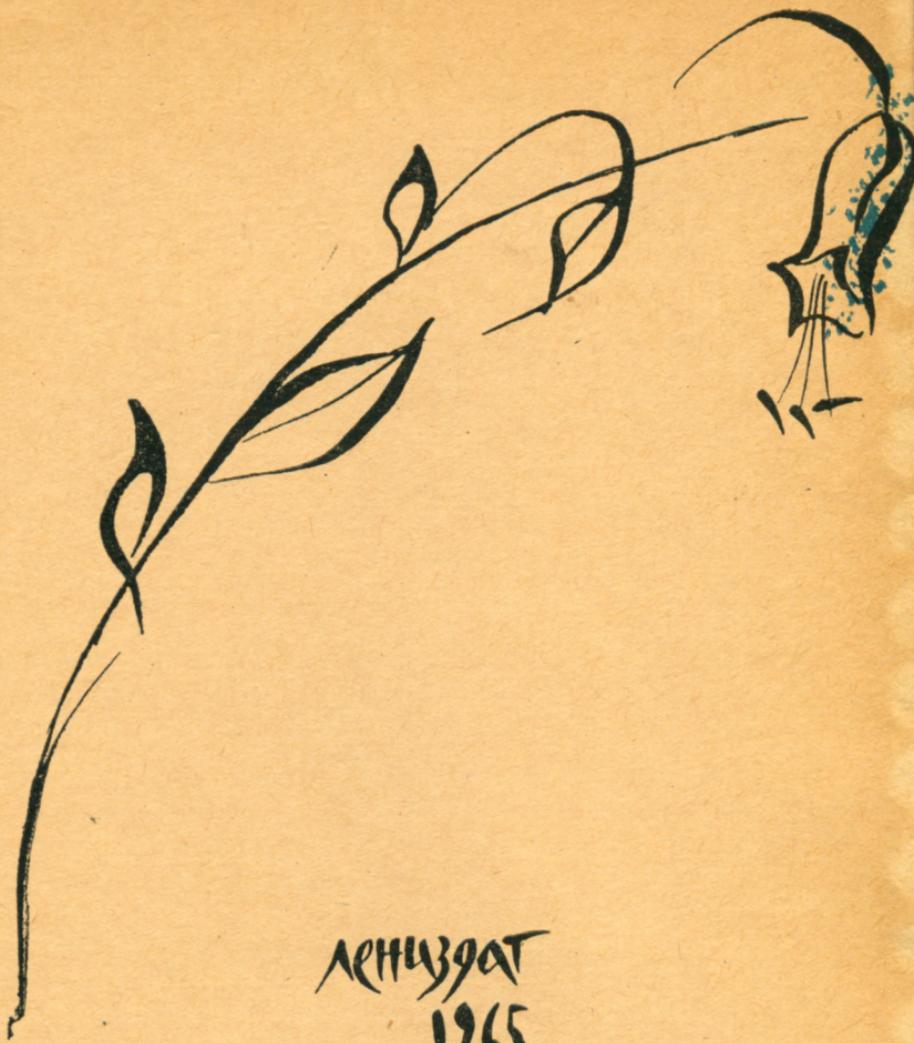
Б
Л
У
К
О
В
А
С
Т
Р
О
В
А

ТрутТух

**ВИКТОР
СОСНОРА**

ЛЕНЦОВАТ
1965

ВУКТОР
СОНОРА

ТРИПТИХ

Художник
М. А. КУЛАКОВ

*Эту книгу я посвящаю памяти
Николая Николаевича АСЕЕВА*

I

Когда от грохота над морем
оледенеют пальцы и лицо,
Гребни, товарищи!
Необходимо быть гребцом.

Электросварщики

Рассиявшись, высится веками
мастерская человеческих
воскрешений!

В. Маяковский

ПРОЛОГ

Держать дугу! — вот главное при сварке.
Держать дугу!
И не прожечь железо,
и шлаку лишнего не наварить.
Держать дугу! —
вот главное при сварке.

1

Когда за Веком Созиданья
настанет Век Восстановленья,
машинам зададут заданья

(кибернетическое время —
в распоряженьи!) —

биотоки
извилины мозга, вод и суши,
сознания нашего потоки
потомки тщательно изучат.

И внешний вид животных мезозоя
всех —

до букахи малой —

восстановят,
мышление народов, дух эпох
пронюхают в пергаментях и шкурах.
Сады Семирамиды — восстановят,
и даже Атлантиду — восстановят
и назовут:

Наглядные пособия
для изучения прошлого Земли.

Для школ, для кабинетов, для пособий
тела иезуитов восстановят,
и разошлют по этим кабинетам
128 экземпляров тела
Христа Иисуса,
Джорджа Беркли —
128 тоже экземпляров,
а Шопенгауэра — 54
за бытовщину.
Ницше — 32
за неоригинальность.
Гитлера — 16
за голый практицизм.

И возле этих странных экспонатов
иезуитства

школьники проявят
оздоровительный, активный юмор.
Организуют новую науку —
недоуменья —
для чего? зачем
существовало их существование?

2

Попробуй привари металл холодный
к холодному.

Не выйдет. А холодный
к металлу разогретому?

Не выйдет.

Металл горячий
и металл горячий
при постоянном, переменном токе
всегда их сварить.
Аксиома сварки.

3

Но говорят, что только гениальных,
что «самых» только будут воскрешать.

И

всё же «самых»

воскрешать не надо.

Зачем Шекспира? Данте воскрешать?

Зачем Гомера? Моцарта? Рублёва?

Да Винчи? Маяковского зачем?

Они — легенда мира.

Ну и пусть
останутся легендой мира.
Мера
анализа их внутренних ресурсов,
любимых женщин и любимых блюд —
не мера!
Прочитывайте, лицезрейте,
настежь
ушные раковины!
Но зачем
их воскрешать?
Чтоб соблюдать процессы
их творчества?
Но кто уразумеет
научно, обоснованно процессы?
Или построить разноцветный график
моральной их устойчивости?
График!
Что вам в устойчивости их!
Что вам —
блюсти беседы за одной тарелкой,
размлевшись от почетности момента!

Ваш мир — ваш мир.
Ваш мир благоустроен,
благоразумен и благополучен.
Я — целиком на вашей стороне:
посевов ваших,
зданий ваших, неба,
здоровья, миролюбья, —
я за ваших
титанов кисти, формул и резца!

И Рафаэля воскрешать не надо,
Бетховена — не надо
и Толстого,
Хемингуэя и Ван-Гога тоже.
Они — легенда мира.
Ну и пусть
останутся легендой мира.

4

Бывали в цехе обрубном?
Пылюка — черно-синее руно.
Воздушным замкам,
шарикам воздушным —
нет места!
Лязг воздушных молотков!
Идет обрубка!
Движется очистка
металла
от всего, что посторонне.
И, оседлав пузатые детали,
прикрытые попонами асбеста,
и, опустив щитки,
щитки-забрала,
нацелив копыя,
копыя-электроды,
электросварщики сражаются с железом!
Как так?
Они, которые умеют
держат дугу, —
сражаются с железом,

Я в одном из окон дома
домогаюсь н^овой строчки.
Я хотел бы стать домом
напряженным и строгим.
Танцевать комически
на чужой гульбе,
плакать под космический
гул голубей!

●

Каждому необходим
свой дом,
 свой дым,
своды над головой,
ложе, —
 лежанку бы,
чтобы свой колобок
свойствен дому был.

Где ты, мой дом, стоишь?
Дом —
 над окном
 стриж,
резервуары книг,
дом —
 под окном —
 цветник?

Где ты, мой дом родной?
В рододендронах мой?
В детстве
 ты разве был?
Был вообще — встарь?

Чирикаем чижами
Юнцы! Юницы!
Мы все в порыве,
мы все в полете,
мы все танцуем.
Только музыка — чужая,
и из какого-то чужого окна напротив.

Аллеи

Небо заалело.
В городе, как в зале, —
гулко.
Но аллеи,
видимо, озябли.

Преклонили кроны
к снегу-олову,
жалуются громко:
— Холодно, холодно.
Уж такая стужа
справа и слева,
в мире — стужа! —
тужат
дубовые аллеи.

Эх вы, плаксы, плаксы,
вы,
дубы-коряги!
Не точите лясы.
Я вас уверяю:
кажется вам,
 будто
ни крупичицы солнца.

Будет май.
И будет
Солнечная Зона,
Солнечное Лето,
Солнечная Эра!

Слушают аллеи.
Верят
и не верят.

●

Весь кружевной ажурный абажур
набросили на лампу в сотню ватт.
Сквозь абажур продели белый шнур,
включили свет —
замлел ажурный фат.

Как он замлел!
Как он элекросвет,
лучистый,
жгучий,
превращал в кисель.
Электродень — в кисейненький рассвет.

Являлись гости.
Ахали красе
светоигры квартиры:
— Что за цвет!
Вы дом разабажурили в весну!

О, как хотелось
лампе им плеснуть —
в лицо им! —
свой,

лучистый,
жгучий свет.

Сидели гости, ели щучье тело...
Взяла стоваттка
и перегорела.

Первый снег

Первый снег.

Пересмех

перевертышей-снежинок
над лепными урнами.
И снижение снежинок
до земного уровня.

Первый снег.

Пар от рек.

В воду — белые занозы.
Как заносит велотрек,
первый снег заносит.

С первым снегом!

С первым слéдом!

Здания под слоем снега
запылают камельками.
Здания задразнит небо:

Эх вы, камни, камни, камни!

А по каменным палатам

ходят белые цыплята,

прыгают —

превыше крыш!

Кыш!

Кыш!

Кыш!

Я не приду в тот белый дом,
хотя хозяин добр.

Пируют в доме у тебя.
Продуктов на пиру!
Вино впитают и табак
и в торбы наберут.

Хвала пирующим!
Родня
моя!

Пируй,
бери!
Себя не рань и не роняй.

Направим на пиры
стопы сыновней чередой
с дочерней пополам —
в твой керамический чертог,
в твой застекленный храм,
в победоносный твой,
проду-
манный от зла и смут.

В твой добрый дом я —
не приду.

И обувь — не сниму.
Поджать заплечные ремни,
прощай, родня, прости!
Бежать от всей своей родни
за тридевять пустынь!

Я не приду.
Не донимай
меня.

Напрасный труд.
Твой дом построен
до меня,
не для меня,
мой друг.

Человек и птица

1. ВОРОНА

Наехал на ворону грузовик.
Никто не видел номера машины,
но видели —
изрядного размера.
Ну что ворона!
Темное пятно
на светлой биографии кварталов.
На мамонтовых выкладках гудрона
и голубей-то мало замечают,
по будням с предприятий возвращаясь.
А тут ворона!

Сперва она кричала.
(И не так
она кричала,
как деревья, —
криком
отчаянным, беззвучным, беззащитным
под электропилой), —
она кричала,
перекрывая дребедень трамваев
и карканье моторов!
А потом
она притихла

и легла у люка
железного
и мудрыми глазами,
и мудрыми вороньими глазами
внимательно смотрела на прохожих.
Она —
присматривалась к пешеходам.
А пешеходы
очень
торопились
домой,
окончив труд на предприятиях.

2. МАЛЬЧИК

Он чуть не год копил на ласты деньги,
копейками выкраивая деньги,
из денег на кино и на обед.

Он был ничем особым не приметен.
Быть может — пионер,
но не отличник,
и не любил футбол,
зато любил,
и очень сильно,
маму, море, камни
и звёзды.
И еще любил железо.
В шестиметровой комнате устроен
был склад — из гаек, жести и гранита.

Он созидал такие корабли —
невиданных размеров и конструкций.
Одни —
подобные стручкам акаций,
другие —
вроде окуня,
а третьи —
ни одному предмету не подобны.

Жил мальчик в Гавани.
И корабли пускал
в залив.
Они тонули.
А другие —
космические —

с крыши — космодрома —
в дождливый, серый, ленинградский космос
он запускал.
Взвивались корабли!
Срывались корабли.
Взрывались даже.
И вызывали волны возмущенья
у пешеходов, дворников и прочих.

Он чуть не год копил на ласты деньги.
Но плавать не умел.
«Что ж, будут ласты, —
так думал он, —
и научусь.

Ведь рыбы...
и рыбы тоже не умели плавать
пока не отрасли плавники».

Плоты

По Неве плывут плоты
еле-еле.

По Неве плывут плоты —
плиты елей.

Вот плоты плывут подряд
в страны дальние.
Вот плоты заstopорят
у Ростральных.

И пойдут по мостовым,
ковыляя,
и прильнут к мостовым
комлями.

Зацветет на берегах
бор еловый.
Будет хвойный перегар
в буреломе.

Птичий щебет — .
хоть куда!
диспут птичий!

И медведи загудят
деспотично!

Брёвна к бревнам —
впритык
еле-еле,
по Неве плывут плоты —
плиты елей.

От Невы каждый вал —
пуд, наверно!
И пульсирует Нева,
будто вена!

●

Цветет жасмин.
А пахнет жостью.
А в парках жерди из железа.
Как селезни скамейки.
Желчью
тропинки городского леса.

Какие хлопья! Как зазнался!
Стою растерянный, как пращур.
Как десять лет назад —
в шестнадцать —
цветет жасмин.
Я плачу.

Цветет жасмин. Я плачу.
Танец
станцован лепестком.
А лепта?

Цветет жасмин!
Сентиментальность!
Мой снег цветет в теплице лета!

Метель в теплице!
Снег в петлице!

А я стою, я рядом с ним.
И рядом
 не с кем
 поделиться.

Цветет жасмин...
Цвети, жасмин!

Рубеж

1. НОЧЬ

Ночь.

И ни единой звезды.

Ни мотора,
ни вскрика,
ни зги.

Даже снег не блестит.

Только крысы из дыр
распевают свой крысий гимн.

Ночь.

Три года хожу и хожу через день,
охраняю кирпичный склад.

Мне три года
плечо обнимает ремень
и колотит бедро приклад.

Ночь.

А ты,
ты когда-нибудь видела дот?
Охраняла кирпичный пост
на границе?

— Стой,
стой, кто идет?
Стой, стрелять...
Э, бродячий пес.

2. ПРОСТИ

Прости меня,
прости,
я — виноват.
Хоть знаю — я совсем не виноват
перед тобой,
прости,
я — виноват.
Я виноват,
как караульный пес,
расстрелянный за то, что пропустил
на склад снарядов,
самый важный пост,
преступника.
Я виноват. Прости.
Я виноват, что этот шар земной
вращается вокруг тебя одной,
что я не смог
ни былью порастить,
ни смолкнуть
на этапах строк.
Прости.
Прислушайся:
ты слышишь тихий тик
карманной мины?
Так,
за тиком тик,
оттикает,
оттикает мой стих
без слов твоих,
без рук,
без губ твоих.

Падет в сугроб мой хромоногий стих
в шинелке ржавой,
выронив запал.
Тогда хоть —
сможешь ты меня простить,
когда пришлют,
что «без вести пропал»?
Не сможешь?
Ну, а если
сам,
сейчас,
всклокоченный,
с мороженой щекой,
ворвусь,
направлю
дула выпученных глаз —
два дула глаз, —
в висок завитый твой?
Тогда — простишь?
Ведь ты не хочешь,
нет,
чтоб я на кочках кончился
в окне
болот балтийских,
тросом прикрутив
карманной мины тикающий груз
к морозной шее?..
Милая, прости...

Стой, кто идет?..
Э,
шевелится куст.

Полночь

А тени возле зданий,
тени —
прочерченные криво
границы.
Взгляни туда, сюда:
антенны —
завинченные в крыши
грабли.

Сырая колобаха
ветер!
А дворников берёт
зевота.
Как плети Карабаса
ветви.
И всё наоборот
сегодня.

Луна,
а на граните
сухо.
Волна — невпоровот! —
лучится.

Бывает: на границе
суток
всё ждешь: наоборот
случится.

Вороны, как барбосы,
лают,
и каркают собаки
грозно.

Ты ничего не бойся,
лада.

Всё это — байки.

Просто — проза
моих сомнений.

Соль на марле!

К утру мои просохнут
вёсла.

И утром будет всё
нормально,
как всё, что утром,
всё,
что звездно!

Рассуждение о крапиве

У лужайки пена мха,
как пиво.
На лужайке даже в мае
жарко.
Вымахала с петуха
крапива,
агрессивные вздымала
жала!
А мечтала о ноздрях
лосиных,
о коленях оголенных
женщин,
чтоб, ни свет и ни заря,
в лесинах,
в посёленьях, в огородах
жечь их!
На болоте мхи крепили
холку,
верещали на гону
зайчата.
Так как не было крапиве
ходу,
то крапива на корню
зачахла!

Занималась над садами
зона
голубой зари — наклоном
к логу.
И крапива назидала
зернам:
жить добрее, экономить
злобу.

А ели звенели металлом зеленым!

Их зори лизали!
Морозы вонзались!
А ели звенели металлом зеленым!
Коньками по наледи!
Гонгом вокзальным!

Был купол у каждой из елей заломлен,
как шлем металлурга,
как замок над валом.
Хоть ели звенели металлом зеленым,
я знал достоверно:
они деревянные.

Они, насажденья зеленые,
стынут
любым миллиграммом своей протоплазмы,
они — теплотворны,
они — сердцевинны,
и ждут не дождутся:
а может быть — праздник?

●

В часы весенних произволов,
кустарникам на удивленье,
лесные бури производят
немедленное удаление
забронированных, как танки,
дубов,
освобождая площадь
 всем,
кто до сей поры считался
попроще, может быть —
 поплоше.

И в результате: истуканы,
иванушки да замарахи
прикидывались простаками,
а вымахали —
 только ахнешь!
Там вдруг речушка — в роли Нила!
Вдруг ветерок —
 борей!

А майский снег!
А проливные
ливни
январей!

Так желудь жметя меж дородных
дубов
да их корней рогатых.
Пока он, желудь, желторотик.
Пока!
До первых ураганов!

Старик и море

Если нырнуть в первую прибрежную волну и вынырнуть со второй, то, как бы ни был силен пловец, его неизбежно унесет в море.

Их было двое:
Старик и море.

А пена —
розовая
пряжа!
А брызги —
розги!
А брызги —
пряжки!
Прожектора уже умолкли.

Их было двое:
старик и море.
И дело двигалось к рассвету.
Песчаник —
желтизна и глянecь.
Первоначальный луч-разведчик
по волнам расплывался кляксой.

Как окрыленно
взмывали воды!

Валы — рулоны,
рулоны —
ордами
на берег
маршировали
друг за другом,
горбатый берег
бомбардируя.

Их было двое:
старик и море.

Старик
в брезенте, как в скафандре,
старик
в резине, как в ботфортах,
старик был сходен с утильшкафами
по приземленности,
по форме.

Нос ромбом.
Желваки шарами.
Щетина — частокол на скулах.
Щеку перекрестили шрамы —
следы пощечины акулы.

Старик предчувствовал:
неделя,
от силы — год,
и он не сможет
севрюжин, сумрачных как дебри,
приветить старческой кормежкой.

Ему привиделось:
в больнице
старик жевал диэtpитанье.
И ржали сельди-кобылицы,
и каблуками его топтали.

Чужие сети

седлали
сельди.
Галдело
море —
во всей
гордыне!

И молодые вздымали сети.

Гудели мускулы,
как дыни.

На берегу канаты.
Канты
на мотоботах.
Крабы — стадо!

Старик шагнул в волну, как в хату.
И всё.
И старика не стало.

Как окрыленно
взмывали воды!
Валы — рулоны!
Рулоны —
орды!

А пена —
розовая
пряжа!

А брызги —
розги!

А брызги —
пряжки!

И всё равно

их было двое:
старик
и море!

Новороссийская ночь

Мир умиротворился.
Ночь.
Огни как зёрна риса.
Ночь.
Над Новороссийском
ночь.
Черна невыразимо
ночь.
А море — гоноболь.
Стекло.
Прожектор — голубой
циклоп.
Пять рыбаков — пять бурок
в лодке.
А ну, раздвинет буря локти?
Пять рыбаков.
Пять бурок — стяг.
Кобенится мотор-кабан.
В прожекторе-луче блестят
пять лиц —
пять голубых
камбал.

Парус

Парус парйт! Он планирует близко,
блещет — шагах в сорока!
Будет ли буря?
Разнузданы брызги,
злоба в зеленых зрачках!

Будет, не будет, не всё ли едино?
Будет так будет. Пройдет.
Жирные птицы мудро пронзают
рыбу губой костяной.

Передвигаются древние крабы
по деревянному дну.
Водоросли ударяются нудно
туловищами о дно.

Вот удаляется ветреник-парус.
Верит ли в бурю, бегун?
Вот вертикальная черточка — парус...
Вот уж за зримой чертой.

Буря пройдет — океан возродится,
периодичен, вѣсѣм,
только вот парус не возвратится.
Только-то. Парус.

И вѣе.

Крокодилы слёзы

(Иностранная хроника)

В Нью-Йорке, в богатых семьях, детям — для забавы — покупают крокодилов. Вырастая, животные становятся опасны, и их выбрасывают в канализационные люки.

(Из газет)

1

Вот Африка.

Рассвет.

Начало сказки.

Вполголоса беседуя, слоны
брели на водопой.

Шипучки-змеи
злокачественно по земле змеились.
Две обезьяны —

обе с явной целью
прославиться —

кричали о своем
человекоподобье.

Лысый Лев,
зверь-изверг, был настроен агрессивно.
Вот Нил.

Песчинки.

Продолжение сказки.

Вот на песчинки выполз крокодил —
подумать о проблемах пресмыканья.

Вот прилетела птичка-стоматолог,
она включилась,
будто бормашина,

включилась

и включилась в дело птичка,
и стала выковыривать волокна
мясистые

из крокодильей пасти.

Не многообещающий философ,
но любознательный вполне ребенок
сказал мне как-то,

что не любит сказки.

— А почему? — спросил я.

Вот ответ:

— Люблю начало сказки,

продолженье...

Но окончанье не читаю, —

грустно.

Не потому, что окончанье грустно,
а грустно потому,

что — окончанье.

2

Слова на «го» обозначают нечто
возвышенное:

го-лова, го-ра,

го-лубизна, го-дина, го-рдость, го-сть.

И, значит — го-род,
если на го-ре.
Давно не строят городов на го́рах.
На возвышенных много ветра дует.
Какой же город?

Город продувной?
И город — ветреник?
И город ветрогон?
По низменностям строят города.
По низменностям громче ораторьи
под-над-наземных деловых экспрессов.

По низменностям глуше бессловесность
наземной нищеты.
И незаметна низость накоплений.
И города приравнивают к морю
(построены на уровне одном).
И города приравнивают к го́рам
(такого же размера, как и горы).
Приравнивают!

Но моря молчат,
набравши в рот воды.
Молчат и горы.

3

А под Нью-Йорком протекают реки.
Но не географические реки.
И умозрительные рыбаки
не наслаждаются у побережий.

И вербы в реки не роняют пух.
И физико-химический состав
тех рек
 так сложен, так многообразен,
что незачем его публиковать.
И крокодилы,
 молодые звери
и злые звери,
 плавают в тех реках.
Им, плотоядным, нет живого мяса!
Они ревут,
 ревут от омерзенья,
но всё же — поглощают нечистоты.
И, выползая из канализаций
на бетонированные площадки,
глядят на океан.
 Огромны веки!
Отчаянны раздвинутые веки!
Где океан?
 Вот эти гектолитры
воды, где растворяются отбросы?
Где океан?
 Вот это продолженье
канализаций —
 это океан?
Они глядят,
 глядят,
 глядят
 и, глядя
на океан, —
не видят океана.

II

Будят глаголы, как деревья,
Промерживая
и в хлопьях птиц!

●

Взойду ли я, как всходят всходы
на тот курган,
на тот курган,
где в непогоды и в невзгоды
вербина — древняя карга —
вербина погружает
в небо —
последний горбоносый сук.

Прошла ее страда и нега.
Она одна.
Дрябла.
И суд
соболезнующих, бездарных
потомков
эти жернова
не разрушает.

Благодарны
за то, что якобы жива.

Над ней возводят мавзолеи —
вроде музеев на дому,
и там сотрудничают, млея
от разно-и-образных муз.

К ней, потерявшей смех, рассудок,
ведут экскурсии (есть план):

— Была она такой —
(рисунок),

деяния такие —
(бланк).

Деянья! —
для легенды нужно!

Была! —
пускай в легендах есть!

За что,
начитанным научно —
за «хлеб насущный

даждь нам .
днесь?»

— Насущный хлеб! —
Вонзайте бивни!

— Насущный хлеб! —
Еще рога!

О, не завидую вербине,
хоть — надо всеми,
хоть — курган.

Чтоб непогоды,
чтоб невзгоды,

Пусть делают свои погоды,
пусть набирают высоту,
те новые, большие всходы,
что неминуемо взойдут!

●

Язык
не бывает изучен.
Земля не бывает изъезжена.
Над нами
созвездья созвучий!
Под нами
соцветья черешен!

А перед нами, перед —
зеленые ромбы гати,
самумы гагачьих перьев,
перьев гагачьих!

Сырые следы животных
поджаривает восток.
Заводы,
 заводы,
 заводы
пульсируют, как висок.

Мы высохнем — рано-поздно —
мы высохнем,
 как чернила.

А мир
всё равно не познан.

Так пусть же птенцы
чирикают!

Пусть почки
дрожат на взводе
весеннего рубежа!
Пусть звёзды,
стрекозы-звёзды,
крыльями
дребезжат!

апрельские льдины,
что зубья пилы!

Да, всё-таки есть на земле Океаны,
и льдины, что ямбы,
звонят,
что клыки!

Идут океаном апрельские ямбы...
Им так наплевать
на клубки.

●

Фонари опадают.

Опадают мои фонари.

Целые грозди электрических листьев
примерзают к уже не зеленой земле.

Эти листья

на ощупь — неосязаемы

(это листья моих фонарей!),

по рисунку — негеометричны,

по цвету — вне цвета.

Без единого звука

листья моих фонарей

примерзают к уже не зеленой земле.

А деревья, к примеру, опадают не так.

Как они опадают!

Ах, как обучились деревья

опадать! Как вызубрили осень —

от листка до листка,

от корки до корки!

И когда опадают деревья —
выявляй, проходящий, запасы печали!
Незаметно для всех опадают мои фонари.
Но они опадают —
я-то знаю,
я вижу.

Розы

Розы —
обуза восточных поэтов,
поработившие рифмы арабов
и ткани.

Розы —
по цвету арбузы,
по цвету пески,
лепестками
шевелиющие,
как лопастями турбины.

Розы —
меж пальцев — беличья шкурка,
на языке — семя рябины.

Розы
различны по температуре,
по темпераменту славы,
а по расцветке
отважны,
как слалом.

Черные розы —
черное пиво,
каменноугольные бокалы.

Красные розы —
кобыльи спины
со взмыленными боками.
Розы
в любом миллиграмме чернил
Пушкина, Шелли, Тагора.
Но уподобилась
работорговле
розоторговля.
В розницу розы!
Оптом!
На масло,
в таблетки для нервов!
Нужно же розам
«практическое применение».
Может,
и правильно это.
Нужны же таблетки от боли,
как натюрморты нужны
для оживленья обоев.
Правильно всё.
Только нужно ведь печься
не только о чадах и чае.
Розы как люди.
Они вечерами печальны.
И на плантациях роз
такие же планы, субботы.
Розы как люди.
С такую же солнечной,
доброй,
короткой судьбою.

●

Листья, листья!
Параюты
с куполами алыми.

Вы, дожди, располосуйте
асфальтовые ватманы!
Вы деревьям изомните
деревянный сон!

— Сколькo времени?

— Извините,
не ношу часов.

Время вертится в моторах,
машет веслами-мечами.

Листья мне кричат:
— Мы тонем!

А другие:
— Мы летаем!

Вы тоните и взлетайте,
я вам не приятель.

С пешеходными зонтами
ходят дни опрятные.

Время?
Что ж. Пришло — уйдет.
Ветер свитер свяжет.

Выше, ниже ли удой
у дождя, — не важно.
Всё как есть я принимаю,
листья приминаю.
А чего не понимаю —
не перенимаю!

Не вступаю в пересуды
с водяными армиями.

Листья, листья!
Парашюты
с куполами алыми!

Сегодня

Какие следы на гудроне
оставили старые ливни?

Кто ищет гармонию в громе?
Кто ищет отчетливых линий?

Изгиб горизонта расплывчат.
Запруды затвердевают.
Кто ищет счастливых различий
в звериных и птичьих дебатах?

Над каждой звездой и планетой,
пусть наиярчайшей зовется,
над каждой звездой и планетой
другие планеты и звёзды!

И каждая новая эра —
к смещению прошлых поэтов,
и новые лавы поэтов
бушуют, как лавы по Этне!

И самые вечные вещи
сегодня лишь —
зримы и явны,

●

Вдохновенье! —
июльским утром
вдох за вдохом вдыхая небо,
начертать
 сто поэм
 в минуту,
над блокнотом согнувшись немо.
А потом
по бетонным трассам
зашагать,
 воспевая трассы
всем аллюром аллитераций,
всеми выдохами
ассонансов,
чтоб запыхтели ритмы —
напористые насосы,
чтоб рифмы,
 как взмахи
 бритвы,
заполыхали на Солнце!

●

Сколько используешь калорий
для зарифмованного бреда?

Как распрямляешь кривую крови
своих разноплеменных предков?

Каких подонков караулишь?
Как бесподобен с королями?

Как регулируешь кривую
своих каракулей,
кривляний?

Как удаляешь удобренья
с опять беспутного
пути?

Гудят глаголы, как деревья,
промерзшие
и в хлопьях птиц!

Сентябрь

Сентябрь!

Ты — вельможа в судейской сутане.

Корсар!

Ты торгуешь чужими судами.

Твой жемчуг — чужой.

А торговая прибыль?

Твой торг не прибавит ни бури, ни рыбы.

Ведь рыбы в берлогах морей обитают.

Они — безобидны.

Они — опадают.

Они — лепестки.

Они приникают
ко дну, испещренному плавниками.

Сентябрь!

Твой парус уже уплывает.

На что, уплывая, корсар уповает?

Моря приключеньями не обладают,
ведь брызги, как листья морей, опадают.

Любимая!

Так ли твой парус колеблем,

как август, когда, о моря ударяясь,
звезда за звездой окунают колени...

Да будет сентябрь с тобой, удаляясь...

Летний сад

(Сон экскурсовода)

Зима приготовилась к старту.
Земля приготовилась к стуже.
И круг посетителей статуй
все уже, и уже, и уже.

Слоняюсь — последний из крупных
слонов —

лицезрителей статуй.

А статуи ходят по саду
по кругу,

по кругу,

по кругу.

За ними хожу, как умею.

И чувствую вдруг —

каменею.

Еще разгрызаю окурки,
но рот костенеет кощеем,
картавит едва:

— Эй, фигуры!

А ну, прекращайте хождение
немедленным образом!

Мне ли
Не знать вашу каменность, косность.

И всё-таки я — каменею.
А статуи --
 ходят и ходят.

Городские сады

В садах рассчитанных, расчесанных
я — браконьер, я — бракодел;
а листья — красные пощечины
за то, что лето проглядел.

Я проглядел, я прогадал
такие лета повороты!
Среди своих абракадабр
словесных
лето проворонил.

А лето было с мотылями,
с качелями воды обильной,
с телячьей нежностью моряны.
И много женщин летом было.

Что ж! Летом легче. Лето лечит.
На всех качелях —
мы не мы!

Что ж. Лето кончено, конечно.
Необходимо ждать зимы.

Необходимо ждать зимы.

Уже давно проверено:
при самом теплом зареве,
при самом ярком ветре мы
запутаемся заново!

Когда нет луны

Одуванчики надели
белоснежные скафандры,
одуванчики дудели
в золоченые фанфары!

Дождевые вылезали
черви,
 мрачные
 как шпалы,
одуванчики вонзали
в них свои стальные шпаги!

Паучата-хулиганы
мух в сметанницы макали,
после драки кулаками
маки мудрые махали.

И мигала баррикада
яблок
 в стадии борьбы
с огуречною бригадой!
Барабанили бобы!

Поле, поле, бездорожьем
(борозды наклонены)
пробираюсь осторожно,
в бледном небе —
ни луны.

Кем ее
огонь растерзан?
Кто помирят мир бездонный,
непомерный мир растений,
темнотой загроможденный?

Пушкинские горы

1. СУГРОБЫ

Дрогнет у дороги
старикан кустарник...

Синие сугробы,
синие кристаллы,
синие сугробы
в лунных переливах,
а лыжня в сугробах —
просто пара линий.

Лыжи лижут ловко
плавные сугробы,
лыжи, словно лодки,
плавают в сугробах
по вороньим лапкам,
по волокнам сена...

Тише...
Лают лайки,
лайки Амундсена...

Дробный и торопкий
перестук на спуске...

Это же на тройке
Александр Пушкин!

Их манит виденье
снежных аномалий,
это —

заблужденье.

Я-то понимаю:
это заблужденье
вследствие блужданий
по январским дебрям,
по полянам дальним.

На полях суровых
ничего не слышно...
Лишь скрипят сугробы
да струятся лыжи.

2. АЛЛЕЯ КЕРН

Когда и кем,
когда и кем —
название «аллея Керн»?

Попросвещать! Еще!
Насчет
чего бы?

Сам не свой
красноречив и краснощек
экскурсовод.

Прискорбно, будто сам погиб,
лепечет про дуэль,
какой подметки сапоги,
чем запивал, что ел,
какой обложки первый том,
количественность ласк,
пятьюжды восстановлен дом,
а флигель няни — раз...

Когда и кем,
когда и кем —
название «аллея Керн?»
Вещественны заплаты лип —
цементность на руке.
Был Пушкин, дом, аллея
и
мгновенье —
но не Керн!

3. 29 ЯНВАРЯ 1837 ГОДА,
2 ЧАСА 25 МИНУТ ПОПОЛУДНИ

А над Петербургом белели морозы.
Чиновники, лавочники, студенты
— Моченой морошки!
Моченой морошки! —
кричали на Невском,
на Мойке
и где-то.
— Моченой морошки! —
скакали с кульками.

Кто первый?

— Умрет...

— Хоть немножко...

до завтра... —

Тревога росла,

напрягалась курками

взведенными —

резко —

как ярость Данзаса,

— Не мстить за меня. Я простил. —

В шарабанах,

в трактирах, в хибарах

сумеют, посмеют

простить императора,

шалолая,

жену, —

для детей, для изданий посмертных.

Две ягодки съел.

Розоватое мясо

с кислинкой.

Затверженно улыбаясь,

жену утешает.

Наталью.

Неясно, —

что Пушкин — один.

Гончарова — любая.

— Жизнь кончена? — Далю.

Даль:

— Что? Непонятно.

— Жизнь кончена.

— Нет еще... —

Шепотом-криком:
— Прощайте, друзья.
Всё.
Жизнь кончена, — внятно. —
Прощайте, друзья! —
Ну, конечно же, книгам.
— Дыханье теснит...

А кому не теснило
поэтам?
Разве которые — ниц.
И только предсмертно, как будто приснилось,
вслух можно:
— Дыханье теснит. —
Виденье последнее.
Радостно — Далю:
— Пригрезилось, будто на книжные вышел
на полки. Лечу! Выше!
Книжные зданья.
Лечу. Небо в книгах.
Но выше,
но выше...

Легенда была.
Не из главных. Середка.
В привычку она,
в повседневность вменяла
во все времена обязательность взлета
над книгами,
небом над,
над временами.

4. СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

А снежинки — динь-динь-динь —
клювами в окно.

Я в гостинице один.
Кто на огонек?
Друг ли, недруг — обниму,
выпьем, в разговоры.
Только бы не одному
возле Святогора.

Первый богатырь!
Гора

первая.

Вершина!
Гири желтые горят —
под окном снежины.

Под окном кустарник тощ, —
скрип да скрип! — надсадно.

Вот в такую ночь — точь-в-точь —
гроб везли на санках.

Снег валился наповал —
на спину!

Наверно,
сам фельдъегерь напевал
«Чудное мгновенье...»

Ночь как Вий.
А Вий как ель —
дремучие ветки.

Поднимите веки ей!
Поднимите веки!

Ведь под веками глаза
голубые,
солнечные!
Гоноболь,
голоса
голубей,
сосны!

Ночь обязана понять, —
поднимите! Выше!

Только некому поднять.
Легче так.
Привычной.

Реет...
Захватило дух...
Реет снег...
О, рей!

Две могилы
первых двух
на одной горе —
супротив одной орды
рядом полегли.

Я в гостинице один.
Гость я. Пилигрим.
Поклоняюсь всем, что есть, —
первым!

Жгу окно.
Завтра станция. Отъезд.
Кто на огонек?

этот город
на одно рукопожатье,
на одно прикосновение губами.
На один вокзал.
А что за времёнами!
То ли деды, то ль не деды, —
что запомнишь?

Этот город —
на одно воспоминанье,
на одно — спасибо — городу за полночь.

Узоры

Узор мороза вроде бы разумен.
Разнообразны образы растений,
а больше — папоротникообразны,
бывают листья и стволы — что горла
и водоросли — волосы мороза!
Изгибы узких листьев, ширина
кувшинок, нерешительность былинки,
даже пыльца на темени тычинок, —
всё это образовано морозом.
Я подглядел на фортке гладиолус.
На долгом стебле — колокольной формы
цветы. Ударил ногтем по стеклу —
колокола шатнуло! Загудели
различными оттенками полудня,
который был то алым,
то лиловым,

Багровый снег, багровый снег,
багровый!
Иду, — по крови будто бы иду.
Иду по корке снежного покрова,
один иду,
встречая день на льду.

Но где же Полюс,
где же Полюс,
где же?
Всё те же льды,
обрюзгшие моржи.
И, веки смежив,
хочется в одежде
упасть,
лицом зарыться в снежный жир.

Железным будь, железным будь,
железным!
Пусть путь —
без губ любимой, без костра,
без трав полезных,
компасов любезных, —

ищи свой Полюс
и топчи свой страх.

Железным будь!
Сжав челюсти до боли,
скользи,
ползи,
но — верь,
что —
будет Полюс!

●

Я в который раз, в который
ухожу с котомкой.

Как ты?
Где ты?
В чьей карете
скоростной катаешься?
И какие сигареты
с кем ты коротаешь?

Вот придумал я зачем-то
самозаточенье.

В сфере северных завес
снежных
и сказаний,
я на каторге словес
тихий каторжанин.

Буквы тихие пишу,
в строчки погружаю, —
попишу, подышу
и продолжаю.

●

Снег летит
и сям
и там,
в общем, очень деятельно.
Во дворе моем фонтан,
у фонтана дети.

Невелик объем двора —
негде и окурку!
У фонтана детвора
ваяет Снегурку.
Мо-о-ро-оз!

На снегу
чугунеет резина!
хоть Снегурка ни гу-гу,
но вполне красива.

Дети стучают легонько
мирными сердцами,
создают из аллегорий
миросозерцанье.

У детей такой замах —
варежки насвистывают!

А зима?
Ну что ж, зима!
Пусть себе воинствует.

Кузнечик

Ночь над гаванью стеклянной,
над водой горизонтальной...
Ночь на мачты возлагает
купола созвездий.

Что же ты не спишь, кузнечик?
Металлической ладошкой
по цветам стучишь, по знакам,
по прибрежным якорям.

Ночью мухи спят и маги,
спят стрекозы и оркестры,
палачи и чипполино,
спят врачи и червяки.

Только ты стучишь, кузнечик,
металлической ладошкой
по бутонам, по колосьям,
по прибрежным якорям.

То ли воздух воздвигаешь?
Маяки переключаешь?
Лечишь ночь над человеком?
Ремонтируешь моря?

Ты не спи, не спи, кузнечик!
Металлической ладошкой
по пылице стучи, по зернам,
по прибрежным якорям!

Ты звени, звени, кузнечик!
Это же необходимо,
чтобы хоть один кузнечик
всё-таки — звенел!

III

я владчик весенней земли

Веснушка-дурнушка

1

Друзья!
Наступила эпоха для сказки.
Как было на свете-планете
три царства:
одно — золотое,
другое — похуже,
а третье,
а третье —
из меди зеленой.
Друзья!
Наступила для были година!
Был царь.
У царя — три цареныша-сына.
Один — гениальный,
другой — даровитый,
а третий,
а третий —
балбес-несмышлениш.

Друзья!
Так прославим заповками древность.
Как было в трех царствах
три девы-царевны:
одна — красотища!
другая — слабее,
а третья,
а третья — веснушка-дурнушка.
Итак,
перейдем непосредственно к песне.

2

Был царь на Руси,
головастый, как перстень.
Был трон у царя,
величавый, как дыба,
из бивней полсотни слонов Хиндустана.
Царь правил без взлетов,
но также без рытвин.
У трона держал ополчение рынд.
Взбунтуется челядь —
и рынды секиры
снимают с плечей
и на челядь шагают.
Поведал царю оборванец-калика,
что есть на планете
три царства великих:
одно золотое,
другое — из меди,
а третье — дворцы из серебряных слитков.

Как царь облачался в парчовое платно,
вещал сыновьям
в Грановитой палате:
— Добудьте царевен,
попользуйте девок,
а ткани с казной
совокупно поделим.

3

Степная степь развалилась за Доном.
Там шлялось
премного народов бездомных.
Ту степь бороздили
на хриплых кобылах
носатые,
жилистые берендеи.
Там сабли-травины колени кололи
и был посреди травостоя
колодец:
аукнешь в колодец,
«ау» из колодца
вздывается долгим,
бездонным ауком.
Воссел на колодце Змеище-Горыныч.
Вокруг
на сто верст закровавлена глина.
Змей выкрал царевен,
упрятал в колодец,
и ночью
корявой рукой
обнимает.

Цареныш,
с лицом голубого оттенка,
принес, гениальный, Горынычу деньги —
мешки самородков,
телеги алмазов:
— Отдай, Змей-Горыныч, красивых
царевен.

Цареныш
с ушами, что две лопушины,
пригнал, даровитый, отары овчины,
семнадцать быков,
одного поросенка:
— Отдай, Змей-Горыныч красивых
царевен. --

О молодцы, молодцы!
Утлые плечи!
Горынычу -- тьфу! — на дары человечьи.
Вы даром пошли.
Черепу поломали
да крови прибавили
в глупую глину.

4

Холоден колодец.
Ни маков, ни солнца.
Колотится зуб
у царевен в колодце.
Красивая рёвом
ревет неусыпно.
Вторая
от всхлипов надрывных осипла.

И только дурнушка
рукой конопатой
всё крутит и крутит
умелую прялку.
Покрутит полночи —
глядишь, спозаранку
готова холщовая самобранка.
Царевны прожорливы,
злы
и зобаты.
Они отбирают
у девушки скатерть.
Грибы и сметану,
вино и утяту
там лопают
так,
что вздуваются щёки.
Насытившись, молвят:
— У, рыжая рожа!
Стряхни,
дурошлёпка, со скатерти крошки. —
И Змея зовут,
и лобзают любезно
урода в гнилые, щербатые зубы.
И молвят веснушке:
— Эх ты, дурачина!
Чего сторонишься?
Хоть змей, да мужчина. —
Согнулась дурнушка
и брякает прялкой,
бормочет о боре,
о солнышке ярком,

о клевере мягком, —
придет несмышлениш,
и жизнь заблестит
родниками и маком.
Размлелся Горыныч,
ворочает шей,
в истоме
шестнадцать голов наклоняя.
Что ни голова,
то страшней и страшнее,
что пасть — то клыкастей,
что губы — слюнявей.

5

И рухнул Горыныч
под саблей-бедою.
Шестнадцать голов,
что шестнадцать бидонов,
скатились,
и, как говорят очевидцы,
катились два месяца в сторону моря.
Катились по травам-муравам зеленым.
Вот как расхрабрился
балбес-несмышлениш!
Балбес отпихнул
от колодца Горыну,
прилег животом на багровую глину
и длинной веревкою,
длинной-предлинной,
он вытащил двух
наилучших царевен.

И стали царевны
от радости ахать,
и пить родники,
и кататься по макам,
и вдаль побежали,
подальше, подальше,
от Змея,
гниющего возле колодца.
Одно недомыслил
балбес-несмышлениш —
борец за царевен
с Горыной-неправдой:
его воспитали в духах благовонных,
а умер герой —
от змеиного смрада.
Он умер.
Дурнушка осталась в колодце.
Осталась одна
в затемненном колодце.

6

Согнулась дурнушка
и брякает прялкой.
Ей вечно
умелою прялкою брякать.
Под прялкой
нить с нитью сплетается плотно,
растут самобранки,
ковры-самолеты...
Ведь знает,

что отберут самобранки,
ведь знает —
не полетит в самолетах,
ведь знает —
уже не придет несмышлениш,
а всё же прядет
простофиля дурнушка, —
прядет,
потому что не прясть не умеет.

Соловей-разбойник

1

Сколько на рынке
но и не меньше
Бродит по рынку,
бос,
пьяный Иван-дурак.
Левое око —
впадины
Щелкает вшей дурак:
щелк,
Лезет в мешки,
здорово осовел.
— Слышь-ко, —
под Киевом
СО-ЛО-ВЕЙ...
Крупный Разбойник! Страсть!

300 в Берестове

баб у Владимира.
Ой вы, бабоньки бархатнокожие,
ой вы, паиньки,
ой вы, барыньки,
поднимайте множество ножигов
на похабника
и на бабника
на Владимира.

3

У Илейки темница
темна, —
не увидишь даже
собственных рук.
В той темнице
ни щелей,
ни окна,
в потолок закручен стражей
крюк:
Хоть повесся,
хоть повесь
сапог,
а дивись, вообрази, что бог
сей сапог,
нечто вроде Христа.
Но на Муромце нема креста.
Потому-то богатырь давно
ни Идолищу,
ни Богу
не угоден,

что уверовал только в бревно,
на котором коротает годы.
Неспроста,
не за пустяк сюда
усадил богатыря Государь.
Говорил властелину Илья:
— Или ты води дружину,
или я. —
Третий год богатырю во сне
снится жареная всячина —
снедь.

А в темнице —
темень
и сыр
и разгуливают орды
крыс.
Богатырь насупил темя,
сир,
и ошметок от коры
погрыз.
Проворчал,
лапоток залатав:
— Превратили Муромца в Золушку.
Отомщу я тебе, сволота,
Володимир Красное Солнышко...

4

Перепуганы бояре,
тараторят, вящие:
— Будоражит смердов ярость
по ярам и чащам,

наши кладь,
о проклятьи!
 грабят,
 а иконы
топчут,
не бывать прохладе
на Руси никола.
Наши головы с-с-ымерды
разрубают плавно
на квадраты,
 будто это
овощи,
 не главы.
Наши головы к скворешням
вешают мальчишки.
Княже,
 приструни скорейше
Соловья-зачинщика.
Этот Свист
 и эти Песни
надо —
под корягу.
Володимир гладит перстень,
молвит:
— Эх вы, ряхи!
Эх вы, квакушата муторные,
кобели семейные!
Триста жен моих
 за смуту
выпороть сумели...
Перевешать вас, калеки,
недостанет веток...

Все в темницу!
Звать Илейку!
Мать вашу
разэтак!

5

Раскачался Разбойник —
любо! —
на сучке:
влево —
вправо
крен.
Дубина —
обломок дуба —
у смутьяна промеж колен.
У смутьяна рваное ухо.
(О, Разбойник еще тот!)
Знает:
надо дубину ухнуть,
а дальше —
сама пойдет!
Надо песню заначить,
а дальше —
сама пойдет!
С дубиной звенящей
не пропадет.
Раскачался Разбойник, —
ух, ты! —
на сучке:

влево —
 вправо
крен.
— Здорóво,
рваное ухо!
— Здорóво, Илья, старый хрен!
Как в Киеве?
Так же пашни
Владимир оброком забрасывает?
По-прежнему крутит
 шашни
с богатырями Апраксия?
— Слезай, Соловей,
ты,
 да я,
 да
 мы —
двое в России
 пасынков.

Сивуха смачна,
заядла,
как поцелуй Апраксии.

6

У Владимира хворость —
 колики.
Князь рычит под медвежьей
 полостью:
— Закричи, Соловей,
 в полный крик,

засвисти, Соловей,
в полный свист. —
Закричал Соловей
в полкрика,
засвистел в полсвиста,
но весело.
И в подоле у Апраксии —
мокренько,
и в штанах у Владимира —
увесисто.
А у тысяцких
и прочей боярщины
ясносолнечные рыла
стали пасмурны.
— Удави, Илейко,
буянщика! —
завизжала жалобно Апраксия.
Но сказал Илья:
— Я не я.
Посмотреть на шиш не угодно? —
Хохотнул Соловей,
хохотнул Илья,
и уехали рядом из города.

¶

Сколько на рынке
добра,
но и не меньше
ос!
Бродит по рынку
дурак,

Из песен Бояна

1

Я всадник. Я воин. Я в поле один.
Последний династии вольной орды.
Я всадник. Я воин. Встречаю восход
с повернутым к солнцу веселым виском.

Я всадник. Я воин во все времена.
На левом ремне моем фляга вина.
На левом плече моем дремлет сова,
и древнее стремя звенит.

Но я не военный потомок славян.
Я всадник весенней земли.

2

Возвращайся, воин, в дом,
в дом дрём,
без руля и без колёс
дом грёз,
истреблен и гнёт и трон —
дом дрём,

всё взаправду, всё всерьез,
дом грёз.
Возвращайся, воин, к винам,
прекращай обиды бить,
обращайся, воин, к вилам,
обещай баклуши бить,
пригляни себе сутану
семейную...

Прокляни меня, солдат,
за советы.

3

И грустить не надо.
Даже —
 в самый крайний,
даже —
 на канатах
играйте, играйте!

Алёнушка,
 трудно?
Иванушка,
 украли?
Эх, миллионструнно
играйте, играйте!

Или наши игры
оградим оградой?

Или —
или — или?
Играйте, играйте!

Расторгуйте храмы,
алтари разграбьте,
на хоругвях храбро
играйте, играйте!

На парных перинах
предадимся росту!

Так на пепелищах
люди — плачут,
поэты — юродствуют.

4. ОБРАЩЕНИЕ

Подари мне еще десять лет,
десять лет,
да в степи,
да в седле.

Подари мне еще десять книг,
да перо, да кнутом
да стегни.
Подари мне еще десять шей,
десять шей,
да десять ножей.

ни коней, ни копий...
Осенью огромной
с нами наше счастье:
белые одежды,
бедный бор
да ворон,
ворон воронёный.

6. КАРАЧАРОВО

В Карачарове селяне —
крикуны.
Ох, и любят они глотку
размять,
ох, и любят помянуть
под блины
новоявленного Бога
и мать.

Соберутся в кабаке —
и в бока
заскорузлые ладони.
Дуду!
И закатят в кабаке трепака
под дуду,
да так,
что брёвна
гудут
в кабаке.

А кабацкая голь,
завшивевшая,
в парше голова, —
уворовывает яйца и соль,
огурцы и куропаток в рукава

В Карачарове селяне —
крепыши,
бабы — пышки,
а детворня
кривонога,
на ушибе ушиб,
испекает на угольях воронят.

И, прищулив хитрющие ресницы,
преподносит воронят папашам:
— Вот попашете,
попьете из криницы,
и откушаете
уточки
с кашей...

7. РОГНЕДА

На Днестре
апрель
на Днестре
весна
волны валкие выкорчевывает.

А челны
 черны,
от кормы
до весла
просмоленные, прокопченные.

А Смоленск
 в смоле,
на бойницах —
 крюки,
в теремах горячится пожарище.
У Днепра
 курган,
по Днепру
 круги,
и курган
 в кругах
 отражается.

Во курган-
 горе
 пять бога-
 тырей,
груди в шрамах — военных отметилах,
непробудно спят.
Порубил супостат
Володимир родину Рогнедину.

На передней
 короге
в честь предка
 Сварога
пир горой —
 коромыслами дымными.

Но Рогнеда
 дичится,
 сдвинув плечи —
 ключицы,
отвернулась от князя Владимира.

Хорохорятся кметы:
— Дай рог
 Рогнеде,
продрогнет Рогнеда под сорочкою. —
Но Владимир
 рог не дал
нелюдимою
 Рогнеде.

Он промолвил:
— Ах ты сука непорочная!
Ты грозишь:
 в грязи
народишь сына,
хитроумника, ненавистника,
и сынок
 отца
завлечет в капкан
и прикончит Владимира быстренько.
Не брильянты глаза у тебя! Отнюдь!
Не краса —
 коса
 цвета просового.
От любви
 убил
я твою родню,

от любви к тебе,
дура стоеросовая!

Прослезился князь,
преподносит: нá! —
скатный жемчуг в бисерной сумочке.
Но челны
черны,
и княжна
мрачна,
только очи
ворочает
сумрачно.

Марина

(Черноморская легенда)

1

Промозглы
Черноморские глубины.
На дне базальт и ссадины-кораллы.
Жила в глубинах девочка Марина.
Жила

и ничего-то

не желала.

Любители глубин с Мариной свыклись.
Для девочки по праздникам унылым
отыскивали ласковые свинки
питательные, лакомые илы.
Поджаривали крабы караваи,
лососи

тину тонкую

солили.

Жила Марина,

и не горевала,

и гладила платочки носовые.

Маринин грот взрыхляли спруты плугом:
помягче спать,
побольше вод проточных...

Киту — благоразумному супругу —
Марина утирала нос платочком.
Отсвечивали фосфориты
в гроте,
всё было кротко,
всё укрыто,
сон-царь.

Не ведал грот —
есть где-то что-то вроде
восхода волн
или разлива Солнца...

2

Мильоны волн!
Миллиарды!
Мириады
капризных брызг бросаются на Солнце.
Который год,
забыв о Новуграде,
на взмыленной волне Садко несется.

Что Новуград!
Прыщавые купчины,
всю жизнь — борцы с кичливыми клопами.
Который год зовет Садко Марину,
моряну избивая кулаками.
Зовет,
по морю грудью распластавшись,
прильнув лицом к поверхности округлой.
Молчит Марина.

Коршуны

(По мотивам «Задонщины»)

1

И севрюжины скрежещут жабрами,
гнусы
жабы женятся под сваями.
Жаворонок, жаворонок, жаворонок
глупый,
для кого тебе названивать?
Жаворонок, ты наивный жаворонок,
песенник заоблачный, надветренный,
оглянись —
вон вороньё пожаловало,
вороньё колышется над вербами.
Черное, гортанное, картавое,
вороньё колышется над падалью.
По оврагам племена татарские
жрут арбузы, лебедей и паленицы.
Племена жрут пламенно и жарко.
А вожди
завязывают вожжи.
Жаворонок,
эх ты, птаха, жаворонок!
Глупый,
не звони ты,
надорвешься.

А коршун слепо
над полем плавал.
Владимир слева,
Димитрий справа.

Конница копытами копает целину.
Пылюка над кибитками подобна колуну.

А коршун сдал
книзу руль.
Слева Орда.
Справа Русь.

Рушатся ордынцы под
щитами-караваями,
раненные головы руками закрывая.
И коршун понял:
бой потух.

И рычал над полем красный Тур.
Рога — что крылья ласточки.
Рычал он, Тур, насупленный,
над кровяными кляксами
и над костями зазубренными.

И поскакали списки
правд и врак
до самых, до Каспийских
Железных Врат,
о том, что Русь обратно
на взлете грив.
О! Горе Цареграду!
Беснуйся, Рим!
Обратно возродится
русская крамола.

И трусят ордынцы
к Лукоморью.
Не бывать вину
у них во рту.
Больше не вернуться
им в Орду.
Шелк, и узорочья, и атлас
в русских позолоченных
котлах,
блюда, кольца, золото,
жемчуга.
О, ордынцам солоно!
Женщин гам.
Голосят татарки, —
нет ребят.
Трубы янтарные
не трубят.

3

На реке Непрядве
прядали ушами
кони.
Ело брагу
войско из ушатов.
На реке Непрядве,
черной, как неправда,
собирались братья,
но не для парада.
Говорил Владимир
Дмитрию Донскому:
— Наша слава дымна,
а убитых сколько!

Отвечал Димитрий:
— Поклонимся князям.
Слава не дымится.
Княжья слава —
красна!
Потрясал Владимир
кулачищем медным:
— Наша слава дымна,
поклонимся смердам.

Над Москвой-рекою
питиё, веселье,
купола рокочут,
серебрятся серьги.
Княжичи, как смерклошь,
по луне стреляли.
Смерд остался смердом,
с кашей,
с костылями.

4

Бом-бом колокольный.
Маки — кулаки.
Над полем Куликовым
плачут кулики.
Ржавеют у калиток
лезвия кёсцов.
Охрипшие калики
плачут у крестов.
Бом-бом колокольный.
Кому шелка? Харчи?

Над полем Куликовым
грабители-грачи.

Над полем Куликовым
стебли трав столбом.

Бом-бом колокольный,

бом,

бом,

бом.

Содержание

I

Электросварщики	9
Мой дом	15
«Каждому необходим свой дом...»	17
Из чужого окна	19
Аллеи	21
«Весь кружевной ажурный абажур...»	23
Первый снег	25
«Я не приду в тот белый дом...»	26
Человек и птица	28
1. Ворона	28
2. Мальчик	29
3. Ворона и мальчик	31
Плоты	34
«Цветет жасмин...»	36
Рубеж	38
1. Ночь	38
2. Прости	39
Полночь	41
Вокзалы	43
Рассуждение о крапиве	45
Зимняя дорога	47
«А ели звенели металлом зеленым!»	48
«В часы весенних произволов...»	49
Старик и море	51
Новороссийская ночь	55
Парус	56
Крокодильи слёзы (Иностранная хроника)	58

II

«Взойду ли я, как всходят восходы...»	65
«Язык не бывает изучен...»	69
«За городом, за индустрией — курганы...»	71
«Фонари опадают...»	73
Розы	75
«Листья, листья! Парашюты...»	77
Сегодня	79
«Вдохновенье! — июльским утром...»	81
«Сколько используешь калорий...»	82
Сентябрь	83
Летний сад (Сон экскурсовода)	85
Городские сады	87
«И дождь прошел...»	88
«И все озёра красные...»	90
Когда нет луны	92
Пушкинские горы	94
1. Сугробы	94
2. Аллея Керн	95
3. 29 января 1837 года, 2 часа 25 минут полудни	96
4. Святогорский монастырь	99
Пальсков	102
Узоры	105
«Багровый снег, багровый снег...»	107
«Я в который раз, в который...»	109
«Снег летит и сям и там...»	111
Кузнечик	113

III

Веснушка-дурнушка	117
Соловей-разбойник	125
Из песен Бояна	135
1. «Я всадник. Я воин. Я в поле один...»	135
2. «Возвращайся, воин, в дом...»	135
3. «И грустить не надо...»	136
4. Обращение	137

5. «Где же наши кони...»	138
6. Карачарово	139
7. Рогнеда	140
Марина (Черноморская легенда)	144
Коршуны (По мотивам «Задонщины»)	148
1. «И севрюжины скрежещут жабрами...»	148
2. «А коршун слепо над полем плавал...»	149
3. «На реке Непрядве...»	150
4. «Бом-бом колокольный...»	151

Виктор Александрович Соснора
„Триптих“

Редактор Н. А. Чечулина
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор И. М. Тихонова
Корректор Е. Н. Куренкова

Сдано в набор 14/X 1964 г. Подписано к печати 22/XII 1964 г.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4,875. Усл. печ. л. 6,68.
Уч.-изд. л. 4,67. Тираж 10 000 экз. М-31439. Заказ № 1526

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата
Фонтанка, 57
Цена 23 коп.

23 коп.

23 коп.

ЛЕНИЗДАТ

